

Natalya Didenko

DOI: 10.31648/apr.4664

Uniwersytet Wrocławski

ORCID: <https://orcid.org/000-0003-3610-0866>

natalya.didenko@uwr.edu.pl

Особенности идиолекта главной героини мультфильма *Маша и медведь* и их передача в переводе на польский язык¹

Маша и медведь – мультипликационный сериал, созданный в России и переведенный на многие языки, стал за последние годы особо популярным. На польских телеэкранах мультфильм появился в 2014 году и уже в течение нескольких лет по мере выхода новых серий систематически переводится.

Целью статьи является сравнительное описание индивидуальных особенностей языка искусственно созданной языковой личности (главной героини мультфильма *Маша и медведь*) на основе стереотипных представлений о речепроизводстве ребенка дошкольного возраста в оригинальном и переводном аудиовизуальном произведении. Исследовательская гипотеза заключается в том, что в процессе перевода языковая личность главной героини при сохранении типичных свойств речи дошкольника может модифицироваться, изменяя при этом восприятие персонажа зрителем. Исследование базируется на теоретических размышлениях лингвоперсонологии, онтолингвистики и переводоведения.

Методология исследования основана на следующих этапах: 1) описание специфики создания собирательного образа персонажа в аудиовизуальном произведении на примере мультфильма *Маша и медведь*; 2) определение понятия «идиолект» с указанием его дифференцирующих признаков; 3) выделение типичных черт речевого творчества ребенка дошкольного возраста; 4) сравнительное изучение выбранного языкового материала оригинальной версии мультфильма с его переводом; 5) анализ переводческих техник

¹ Основные положения статьи были представлены в форме одноименного реферата на научном заседании Лаборатории междисциплинарных переводоведческих исследований и Кафедры русского языка Wrocławского университета 5 марта 2019 г.

(учитывая своеобразие аудиовизуального произведения)²; б) синтезирование полученных результатов.

Аудиовизуальное произведение, которым является мультфильм *Маша и медведь*, представляет собой взаимодействие разных знаковых систем, передающих информацию зрителю посредством четырех каналов: визуально-вербального, визуально-невербального, акустическо-вербального и акустическо-невербального [Sikora 2013, 48]. Собираемый образ персонажа аудиовизуального произведения создается путем наслаивания отличительных свойств и черт, сформировавшихся в каждом из каналов передачи информации. Стоит отметить, что уровень информативности каналов не будет одинаковым. К примеру, визуально-вербальный канал (надписи, субтитры и т.п.) практически не участвует в формировании образа главной героини мультфильма *Маша и медведь*. Акустическо-невербальный канал (музыка и шумы), как правило, характеризует транслируемую ситуацию, окружение, а не непосредственно персонажа. Наиболее информативными, на наш взгляд, являются визуально-невербальный и акустическо-вербальный каналы. Из первого можно получить базовые данные: 1) возрастные характеристики; 2) гендерная идентичность; 3) национальная принадлежность; 4) бихевиористические свойства; 5) особенности темперамента. Так, Маша – это русская (3) девочка (2) дошкольного возраста (1), непоседливая, чрезмерно активная (4), веселая и эмоциональная (5).

Взаимосвязь, а также взаимоограничение каналов передачи информации в аудиовизуальном произведении способствуют тому, что выше перечисленные личностные характеристики Маши также отражаются в акустическо-вербальном ряду, то есть в ее речи. Однако вместе с базовыми признаками речепроизводства Маши изобилует индивидуально-языковыми чертами, которые являются основой для формирования идиолекта персонажа в русской версии мультфильма.

Изучение индивидуально-речевых характеристик в рамках господствующей антропологической парадигмы является особенно актуальным, поскольку в центр внимания поставлена языковая личность. В русской лингвистике вопросы индивидуального речепроизводства рассматривались в работах следующих авторов: Георгий Богин, Виктор Виноградов, Юрий Караулов, Михаил Панов, Маргарита Китайгородская, Нина Розанова, Владимир Карасик

² В связи с тем, что статья не носит характер критической – не оценивает перевод мультфильма, а лишь сравнивает идиолектальные черты главной героини в оригинальной версии и переводной, собственные предложения относительно переводных эквивалентов здесь не предлагаются.

и др. В польском языкознании проблемами идиолекта и идиостиля занимались следующие лингвисты: Хенрик Борек, Станислав Гайда, Мариан Бугайски, Анна Козловска, Анджей Кудра и др. На современном этапе разработан ряд ключевых терминов для описания языковых особенностей индивида: «идиолект», «идиостиль», «речевой портрет», «речевой паспорт». Согласно дефиниции Виктора А. Виноградова идиолект – это «совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка» [*Лингвистический энциклопедический словарь*, онлайн]. Существуют два подхода к понятию идиолект: первый, в узком смысле – это только специфические речевые особенности носителя языка; второй, в широком смысле – реализация данного языка в речепроизводстве индивида, то есть индивидуальные принципы выбора лексических единиц, конструирования предложений, реализации произносительных норм и т.д. [там же]. В первом понимании идиолект будет ближе к понятиям речевой портрет и речевой паспорт³, тогда как во втором понимании – к понятию идиостиль. О тождестве последних (идиолекта и идиостиля) говорить было бы некорректно, хотя определенная смежность им свойственна. Так, Елена Медведкова отмечает, что «понятие „идиостиль” логически расширяется и вбирает в себя понятие „идиолект” и рассматривается как вся совокупность языковых выразительных средств писателя, в то время как компонентами идиолекта становятся важнейшие черты идиостиля» [Медведкова, онлайн]. Нами будет использоваться термин «идиолект» в узком его понимании, который отражает специфичность языковых предпочтений индивида, сочетательных возможностей, а также творческих речевых действий [Богданова 2011, 103].

Маша, как искусственно созданная языковая личность, наделена комплексом лингвистических черт, которые выполняют функцию характеристики – указывают на то, что речь принадлежит ребенку дошкольного возраста. Согласно наблюдениям онтолингвистов ребенок в этот период развития находится в процессе овладения языком – его лексическим богатством, правилами построения производных слов, формирования грамматических форм и синтаксических конструкций [Чуковский 2012, 20; *Язык и ребенок. Освоение ребенком родного языка* 2017, 169; Добря 2013, 57]. Прodelывая колоссальную умственную работу, на основе услышанных и воспринятых форм языка ребенок экспериментирует и генерирует новообразования на разных

³ Ср.: «речевой паспорт» В. И. Карасик определяет следующим образом: «совокупность тех коммуникативных особенностей личности, которые и делают ее уникальной (или по меньшей мере узнаваемой)» [Карасик 2002, 9]. Данное определение коррелирует с узким пониманием термина «идиолект».

лингвистических уровнях, производя ненормативные единицы языка. Именно ненормативность является отличительной чертой речи детей дошкольного возраста⁴.

Второй особенностью речи дошкольника является использование разговорной лексики. Обусловлено это тем, что первая форма языка, воспринимаемая ребенком – это разговорный литературный язык, на базе которого и формируются первые языковые компетенции дошкольника. Под разговорной речью здесь понимается обиходная речь, отличающаяся отсутствием строгих нормативных ограничений, «субстандартными, но общеупотребительными единицами» [Химик 2014, 59]. Однако стоит отметить, что от разговорной лексики, которая тяготеет к нейтральности, необходимо отличать сниженную лексику – вулгарную, жаргонную и обценную [там же, 60], которая в данном анализе не берется во внимание.

Выбор исследовательского материала с целью установления идиолектальных особенностей речи Маши производился на основе следующих критериев: 1) частотность употребления единиц языка (высокий уровень повторяемости как идентификатор языковых предпочтений), 2) оригинальность создаваемых языковых единиц, которая проявлялась, как правило, в нарушении нормы (искажение правил конструирования синтаксических и производных лексических единиц как отличительная черта речи ребенка на этапе присвоения языковой системы), а также 3) стилистическая маркированность лексических единиц (разговорный стиль как первый образец языка в процессе становления языковых компетенций).

На основе представленных критериев, которые могут проявляться комбинированно, выбранный языковой материал поделен на следующие группы: повторы, окказиональные лексические единицы, разговорная лексика и ошибки.

⁴ Корней Чуковский устанавливает примерные возрастные границы освоения ребенком системы родного языка. От двух до пяти лет ребенок активно производит языковые новообразования, которые являются результатом практического присвоения услышанных форм. В период от шести до восьми лет лингвокреативность уступает место узуальным языковым единицам. Восемилетний ребенок, согласно писателю и лингвисту, полностью осваивает родной язык с практической точки зрения и готов приступить к его теоретическому изучению в школе [Чуковский 2012, 20].

1. Повторы

Речь главной героини мультфильма в оригинальной версии характеризуется употреблением определенной синтаксической конструкции, которая систематически повторяется (2, 10, 15, 28, 38 и 45 серии). Характерной ее особенностью является использование частицы «уже» (двукратное), вводного слова «может» (в одном примере – «давай») и глагола в первом лице множественного числа (см. первую колонку Сопоставительной таблицы № 1). Стоит отметить, что такая структура предложения не является характерной для русского языка и не вписывается в синтаксическую норму. Возможно, именно поэтому высказывания, построенные на базе данной конструкции, стали узнаваемыми и ассоциируемыми именно с главной героиней мультфильма *Маша и медведь* в русскоязычной версии.

В переводе на польский язык цикличность утрачивается. Переводные высказывания не имеют синтезирующей их черты, которая нарушала бы узус польского языка, тем самым способствуя становлению идиолектальной особенности речи Маши (см. вторую колонку Сопоставительной таблицы № 1). Тем не менее переводчик сохранил разговорный стиль речи девочки. Коллоквиализация здесь достигается с помощью: порядка слов в предложении («Może tak kolacyjkę byśmy zjedli?» вместо «Może tak zjedlibyśmy kolacyjkę»); частицами, характерными для разговорной речи («но», «со» – в роли вопросительной частицы); лексемами разговорного типа («kolacyjka», «pędem», «lecieć»). Единичен случай стилистически нейтрального высказывания («Weźmiemy się może za jej rozwikłanie?»), а также сохранения конструкции из оригинала («To może już pośpimy już?»).

Сопоставительная таблица № 1

Повторяемая синтаксическая конструкция с нарушением нормы	
Русскоязычная версия мультфильма	Польскоязычная версия мультфильма
Может, уже поужинаем уже!?	Może tak kolacyjkę byśmy zjedli! (2) ⁵
Может, уже покатаемся уже!?	To może pojeździmy sobie wreszcie? (10)
Может, уже познакомимся уже!?	No to już się poznajmy, co!? (15)
Ну, может, уже поспим уже!?	To może już, pośpimy już!?! (28)
Так давай уже, бежим уже!	To pędem, lecimy! (38)
Ну, что, может, уже расследуем уже!?	Weźmiemy się może za jej (zagadki – авт.) rozwikłanie? (45)
Может, уже признаемся уже!?	No, możebyście się tak przyznali!?! (45)

⁵ Здесь и далее в скобках приводятся номера серий.

При нарушении правил языковой нормы (в данном случае синтаксической) формируются высказывания, которые являются стилистически окрашенными. В переводе, кроме основного денотативного значения, передается коннотативное содержание высказываний с помощью коллоквиализации речи главной героини, но при этом не сохраняется повторяемость синтаксической конструкции. В результате языковая особенность девочки Маши (повтор на уровне макротекста – всего сериала) в польской версии мультфильма утрачивается.

Перевод малых прозаических форм требует особенной скрупулезности, поскольку даже незначительные (на первый взгляд) высказывания персонажа могут отражать его индивидуально-языковые черты. Так, речь Маши в высокой степени эмоциональна и переполнена восклицаниями, причем, прослеживается особая регулярность в их применении. Наиболее употребляемыми являются два: «Ух ты!» и «Вот это здорово!».

Восклицание «Ух ты!» отражает сильное удивление, восторг и очень широко применяется в русской разговорной речи. В переводе на польский язык можно встретить разные эквиваленты. Первые два (см. вторую колонку в Сопоставительной таблице № 2) обусловлены своеобразием аудиовизуального произведения. Междометие «Ух ты!» трансформируется в глагол в повелительном наклонении «O, patrz!» и в местоимение «O, jaki!». Переводческая стратегия в данных случаях основана на установлении гармонии между акустическо-вербальным и визуально-невербальным каналами, то есть между речью девочки и видеорядом. Переводной эквивалент «O, patrz!» сочетается с действиями главной героини: девочка указывает рукой на предмет. Второй переводной эквивалент «O, jaki!» также обусловлен видеорядом: Маша берет в руки медаль медведя. В вышеприведенных примерах переводные эквиваленты обусловлены спецификой аудиовизуального произведения.

Сопоставительная таблица № 2

Повторяемое восклицание	
Русскоязычная версия мультфильма	Польскоязычная версия мультфильма
Ух ты!	O, patrz! (4) – связь с видеорядом O, jaki! (5) – связь с видеорядом Och Ty! (5, 9, 11, 17) O, rety! (6, 37) Ożeż! (10) O! (14 – 2 раза, 21) Ojej! (14, 21 – 2 раза, 22, 34, 37, 41, 44, 49) Oho! (19) Oj! (23) Ale super! (33)

Последующий перевод междометия «Ух ты!» отличается особым разнообразием, а это способствует нейтрализации цикличности его использования в речи главной героини: «Ojej!» (9 раз), «Och Ty!» (4 раза), «O!» (3 раза), «O rety!» (2 раза), «Ożeż!», «Oho!», «Ale super!», «Oj!» (по 1 разу).

Регулярное применение междометия «Ух ты!» в речи Маши является ее индивидуально-языковой чертой. В переводе, несомненно, передан экспрессивный компонент, однако не прослеживается систематичность употребления.

Подобным образом нейтрализуется регулярность употребления в случае с восклицанием: «Вот это здорово!», которое также неоднократно появлялось в мультфильме и стало узнаваемым и ассоциируемым с главной героиней Машей в русской версии. В переводе можно встретить следующие эквиваленты: «Ale super!» (1, 5 серии), «Jakie to fajne!» (14 серия), «Ale fajowy!» (обыгрывание визуального ряда – Маша смотрит на каску), «Ale to jest fajowe!» (26, 40 серии).

Стоит отметить, что характерное для Маши выражение: «Охохоюшки-хо-хо!» или «Хохоюшки-хо-хо!» получило свою систематическую задачу: «Ale się porobiło!» (14, 16, 34, 49 серии).

Таким образом, повторы на уровне макротекста (всего сериала) играют важную роль в становлении образа главной героини, а также ее индивидуально-языковых особенностей. Они отражают эмоциональность высказываний, определяют уровень владения языком. При передаче на польский язык цикличность использования проанализированного языкового материала утрачивается, однако сохраняется экспрессивность речи. Кроме того, в переводе прослеживается специфика аудиовизуального произведения, когда неожиданный (на первый взгляд) переводной эквивалент гармонирует с визуальным образом. Утрата систематичности в переводе может быть продиктована тем, что мультфильм имеет форму сериала. Переводчик, работая с исходным материалом первых серий, лишен возможности выделить языковые особенности главного персонажа, которые формируются по мере появления последующих серий.

2. Окказиональные лексические единицы

Согласно исследованиям в области онтолингвистики лингвокреативность является дифференцирующим признаком ребенка дошкольного возраста, который нестандартным образом выражает в языке свое восприятие мира.

«Дэн Слобин, известный исследователь детской речи, имел все основания назвать словесные инновации русских детей “маленьким чудом русской речи” (Slobin, 1966). В самом деле, любой ребенок, овладевающий русским языком, сочиняет большое количество новых слов и непривычных для нашего слуха новых форм уже существующих слов. Выражаясь языком современной лингвистики, русские дети отличаются особой лингвокреативностью» [Цейтлин 2017, 170].

Условиями зачисления лексемы в окказиональную группу слов было следующее: отсутствие слова в национальном корпусе русского и польского языков, в словообразовательных словарях (за исключением семантической деривации), а также в интернете. В результате было обнаружено 11 примеров лингвокреативности в русскоязычной версии. Это слова: «вкусновато» (7), «скользковато» (10), «накашеварить» (17), «скукотень» (15, 27, 39), «мохнатулечка» (24), «залепуха» (24), «дохлюпать» (25), «расфокусировать» (от слова «фокус» – трюк, 25), «пОник» (28), «щелкунчик» (от «щелкать» – издавать звук, 37), «невидимка-неуловимка» (51). В польском переводе обнаружено 4 окказионализма: «pyszniutki» (7), «staranniutko» (23), «piękności» (24), «włączniczek» (37).

Лексические новообразования Маши на польский язык передаются тремя способами: посредством окказионального слова, с помощью узуальной лексики или через описательный эквивалент.

1. С помощью окказионального слова. Например: «вкусновато, но маловато» – «pyszniutki, ale malutkie» (7). Здесь новообразования «вкусновато» и «pyszniutki» созданы по аналогии со вторым словом в высказывании. «Мохнатулечка моя» – «włochate piękności moje» (24). Окказионализм «piękności» образован по аналогии со словом «śliczności» (в единственном числе). Однако новообразование не передает полностью семантики слова из русской версии, в связи с этим при окказионализме появляется определение «włochate». Таким образом, это описательный способ перевода с использованием окказиональной лексики. «Щелкунчик» – «włączniczek» (37). В видеоряде Маша балуется с выключателем, который «щелкает» – включает и выключает. На основе многозначности слова «щелкать»⁶ формируется новое значение лексемы «щелкунчик» – «выключатель». В переводе окказионализм образуется суффиксальным способом по аналогии со словом „włącznik” и с дополнительным уменьшительно-ласкательным формантом.

⁶ «Издавать короткий отрывистый звук (обычно при ударе, падении или при работе, действии и т.п.)» и «разг. раскусывая скорлупу, есть (семечки, орехи); грызть» [Большой толковый словарь русского языка Кузнецова, online].

2. С помощью нормированной лексической единицы. В данном случае в переводе нейтрализуется экспрессивность, заложенная в лексическом новообразовании. Например: «скукотень» – «nuda» (15, 39), «nudne» (27). Похожая ситуация складывается в серии 28. Маша с помощью диминутивного суффикса создает новое слово, которое активно использует: «Ух, фигурки, песечки, слоники и поники. Надо *поником* сходить... Скачи, скачи, мой *поник*». В переводе использована замена на нейтральное слово с уменьшительным суффиксом (один раз) и без него: «Ah, jakie tu macie śliczne figurki! A nawet *koniki*! Pora *koniet* guszyć się... Skacz, skacz, mój *koniu*».

3. С помощью описательного эквивалента (стилистически нейтрального). Например: «накашеварить» – «lepszą kaszkę zrobić» (17), «скользковато» – «trochę ślisko» (10), «залепуха» – «piękna kulka» (24).

Речь Маши характеризуется лингвокреативностью, то есть наличием окказиональных лексем. Передача подобных элементов на иностранный язык, несомненно, трудна. Нами были выделены три способа перевода новообразований: с помощью окказионализма, нейтрального слова, а также посредством описательной конструкции. В результате переводческих процессов интенсивность использования окказиональной лексики главной героиней мультфильма *Маша и медведь* в польской версии снижается.

3. Разговорная лексика

Речепроизводство Маши отличается большим количеством разговорной лексики. Объясняется это тем, что ребенок в процессе освоения языка первоначально воспринимает именно его разговорный вариант.

Разговорная лексика передается на польский язык двумя способами:

1. С помощью эквивалента из разговорного пласта лексики польского языка (в этом случае достигается максимальное соответствие между переводом и оригиналом). Здесь в результате анализа нами выделено 25 примеров. Их можно поделить на две группы: однокоренные (родственные, общеславянские слова): подеваться – *podziać się* (1, 41), рычать – *guszeć* (= кричать) (7), гонять – *ganiać* (14), залезть – *wleźć* (25) и др.; с разными корнями, но с соотносимой семантикой и стилистической окраской: здорово – *super* (5, 11), *fajnie* (14), *fajowy* (26, 40); замечательный – *fantastyczny* (8), красотоюля – *śliczności* (24), *ślicznotko* (43); погодка – *chlapa* (25), штуковина – *cudeńko* (34), *cudo* (49) и др.

Здесь также хотелось бы представить диминутивы, которые занимают особое место в детской речи. Они являются характерной чертой так называемого «языка няnek». Вследствие этого речь ребенка также становится полна уменьшительно-ласкательных форм. Малгожата Бортличек пишет: «Język nianiek występuje we wszystkich kulturach. Jest to rodzaj języka środowiskowego..., służy ekspresji emocjonalnej i stwarza nic porozumienia między jej użytkownikami; jest to pomost do mowy dorosłych» [Bortliczek 2013, 59].

Несмотря на то, что в толковых словарях русского языка диминутивная лексика не имеет помет «разговорное», ее нельзя отнести к стилистически нейтральному пласту слов. Так, Юлиа. Слабко следующим образом описывает диминутивы, опираясь на понятие «стиль»:

«Категория диминутивности связана с определенными функциональными стилями: в основном с разговорным стилем, арготическим, детской речью, а также с некоторыми жанрами и сферами специальной коммуникации» [Слабко 2014, 126].

В связи с этим в данной работе лексемы с уменьшительно-ласкательными суффиксами, как в русском, так и в польском языках, относятся к разговорному стилю. Так, нами выделено 10 русско-польских диминутивов: ротик – pyszczek (5), тортик – torcik (5), червячок – robaczek (8), номерок – numerek (9), деточка – dzieciąteczko (18), белочка – wiewióreczka (21), подарочек – prezencik (21), клубничка – truskaweczka (22), секундочка – sekundka (21), зверушка – zwierzaczek (48). Представленные слова являются полными семантико-стилистическими эквивалентами в переводе мультфильма.

2. С помощью эквивалента из стилистически нейтральной лексики польского языка. В данной группе выделено 15 примеров: заколотиться – obwarować się (2), дрыхнуть – spać (10), порулить – pojeździć (26), бандура – gitara (29), принарядиться – przebrać się (36), простыть – zmarznąć (35) и др.

С целью компенсации утраченной в процессе перевода разговорной лексики в польской версии мультфильма появляются коллоквиальные лексемы для нейтральных в стилистическом плане слов оригинала. Нами обнаружено 16 примеров, среди них: кушать – podjeść (2, 23), приходиться – wpadać (3, 5, 26, 51), ходить – łązić (6), гадкий – paskudny (43), делать – robić (50) и др. Здесь также хотелось бы выделить в польском переводе лексемы с уменьшительно-ласкательными суффиксами: наряды – ubranka (18), быстро – prędko (20), долго – szybko (23), тихо – wolno (31).

В переводе на польский язык для передачи коллоквиальных слов используются два способа: с помощью соответствующей разговорной лексики польского языка, а также с помощью нейтрального пласта слов. Количественное

равновесие стилистически маркированной лексики в оригинале и переводе достигается путем внедрения разговорных слов вместо нейтральных эквивалентов оригинала. В результате такого переводческого подхода индивидуально-языковая черта главной героини полностью сохранена в переводе мультфильма.

4. Ошибки

Ошибочные грамматические формы слов принципиально отличаются от окказиональных единиц, созданных ребенком. В случае с лингвокреативностью ребенок заключает в одной лексической единице семантику, которая в узусе передается, как правило, более сложным способом – аналитически, тогда как в примерах с ошибками происходит лишь неверное использование правил грамматического строя языка (чаще всего – это общеизвестные исключения).

Так, в русском языке не существует формы первого лица единственного числа будущего времени от глагола «победить». Данное грамматическое значение передается описательно: «одержу победу». Маша же произносит следующую фразу: «Ну, все, ты напротился! Будешь играть со мной! ... Ладненько. Но, если я *победю* или *побежу*, то ты весь мой» (47). Такой прием при создании комического эффекта тяжело передать на другой язык. Поэтому грамматические ошибки Маши переводятся нейтральным в стилистическом плане выражением: «*Dosyć, no i doigrałeś się. A teraz zagrasz ze mną... W porządeczku. Ale jeśli Ja wygram cały mecz, zrobisz, co Ci każę*» (47). В 19 серии Маша создает не существующую в русском языке форму множественного числа для слова «пианино»: «Ужас, как люблю я *пианины!*». В польском языке подобные слова склоняются и изменяются по числам, соответственно переводной эквивалент будет относиться к проявлению узуса польского языка: «*Aż strach, jak Ja uwielbiam fortepiany!*». Подобным образом переводится лексема с грамматической ошибкой характерной для детской речи «прятайся» вместо «прячься»: «Иди прятайся!» (13). Польский перевод: «*Idź się schowaj!*». В данную группу также войдет пример «шевелются» (о червячках, вместо «шевелиются») – «*guszają się*» (8). Подобного рода ошибки в речи Маши в польской версии мультфильма нами не были обнаружены.

Выводы

Главная героиня аудиовизуального произведения *Маша и медведь* отличается определенными идиолектальными чертами, которые основаны на типичных признаках речи дошкольника – ненормативности, субстандартности, стилистической маркированности. Перевод специфического речевого творчества Маши – окказионализмов, неузальных грамматических форм слов – нередко является задачей в высокой степени трудной. Причинами этого могут быть: особенности языка оригинала и перевода (несоотнесенность грамматических, словообразовательных форм лексем, синтаксических конструкций и пр.), специфика аудиовизуального произведения (взаимосвязь каналов передачи информации, сериальная форма).

На основе проделанного анализа можно сделать вывод, что польская Маша имеет в своем словарном запасе больший набор лексических единиц, строит более разнообразные синтаксические конструкции, использует словообразовательные модели родного языка, в большинстве случаев опираясь на языковую норму, и совершает меньшее количество грамматических ошибок. Однако при всем этом ей свойственны базовые черты речи дошкольника: ненормативность, субстандартность и стилистическая маркированность – которые проявляются с меньшей долей интенсивности, чем в оригинале. Таким образом, в результате перевода сформировался идиолект главной героини мультфильма *Маша и медведь* – соотносимый с первоначальным вариантом, но не аналогичный, способствующий несколько иному восприятию персонажа зрителем.

Библиография

- Bogdanova Elena. 2011. *O nekotoryh aspektah izučeniâ termina idiolekt v otečestvennoj i zapadnoj lingvistike*. «Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Puškina» t. 1, № 4: 100–108 [Богданова Елена. 2011. *O nekotoryh aspektah izučeniâ termina idiolekt v otečestvennoj i zapadnoj lingvistike*. «Вестник Лeningradского государственного университета им. А.С. Пушкина» т. 1, № 4: 100–108].
- Bogin Georgij. 1984. *Model' âzykovej ličnosti v ee otnoženii k raznovidnostâm tekstov: avtoreferat dissertacii*. Leningrad. (online) <https://studfiles.net/preview/3299583/> (dostup 24.10.2019) [Богин Георгий. 1984. *Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореферат диссертации*. Ленинград. (online) <https://studfiles.net/preview/3299583/> (доступ 24.10.2019)].
- Bol'soj tolkovyj slovar' russkogo âzyka*. 1998. Red. Kuznecov S.A. (online) <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (dostup 03.03.2019) [*Большой толковый словарь русского языка*. 1998. Ред. Кузнецов С.А. (online) <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (доступ 03.03.2019)].

- Borek Henryk. 1988. *Co możemy wiedzieć o języku osobniczym? W: Język osobniczy jako przedmiot badań lingwistycznych*. Red. Brzeziński J. Zielona Góra: Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Zielonej Górze: 14–21.
- Bortliczek Małgorzata. 2013. *Od alfabetu do zdrobnień. Tuzin szkiców o języku*. Cieszyn: Galeria „Na Gojach”.
- Bugajski Marian. 1996. *Teoria językowego obrazu świata w badaniu idiolektu pisarza*. «Poradnik Językowy» z. 1: 17–25.
- Cejtlin Stella. 2017. *Áзык и rebenok. Osvoenie rebenkom rodnogo ázyka*. Moskva: Izdatel'stvo Vlados [Цейтлин Стелла. 2017. *Язык и ребенок. Освоение ребенком родного языка*. Москва: Издательство Владос].
- Čukovskij Kornej. 2012. *Sobranie sočinenij v pátнадцати tomah*. T. 2: *Ot dvuh do pátii. Literatura i škola. Serebrányj gerb*. Moskva: Agentstvo FTM, Ltd. [Чуковский Корней. 2012. *Собрание сочинений в пятнадцати томах*. T. 2: *От двух до пяти. Литература и школа. Серебряный герб*. Москва: Агентство ФТМ, Лтд].
- Dobrǎ Marina. 2013. *Spetsifika ázykovoj ličnosti rebenka: k postanovke problemy sistemnogo opisaniá*. «Vestnik Čelábinskogo gosudarstvennogo universiteta». (online) <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-yazykovoy-lichnosti-rebenka-k-postanovke-problemy-sistemnogo-opisaniya> (dostup 30.09.2019) [Добря Марина. 2013. *Специфика языковой личности ребенка: к постановке проблемы системного описания*. «Вестник Челябинского государственного университета». (online) <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-yazykovoy-lichnosti-rebenka-k-postanovke-problemy-sistemnogo-opisaniya> (доступ 30.09.2019)].
- Gajda Stanisław. 1983. *Styl jako humanistyczna struktura tekstu*. «Z Polskich Studiów Slawistycznych». Seria 6, t. 2: 235–243.
- Himik Vasilij. 2014. *Russkaá razgovorno-obihodnaá reč' v leksikografičeskom predstavlennii*. «Filologičeskij klass». (online) <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-razgovorno-obihodnaya-rech-v-leksikografičeskom-predstavlennii> (dostup 29.09.2019) [Химик Василий. 2014. *Русская разговорно-обиходная речь в лексикографическом представлении*. «Филологический класс». (online) <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-razgovorno-obihodnaya-rech-v-leksikografičeskom-predstavlennii> (доступ 29.09.2019)].
- Karasik Vladimir. 2002. *Ázykovoj krug: ličnost', koncepty, diskurs*. Volgograd: Peremena [Карасик Владимир. 2002. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена].
- Karaulov Ūrij. 1987. *Russkij ázyk i ázykovaá ličnost'*. Moskva: Nauka [Караулов Юрий. 1987. *Русский язык и языковая личность*. Москва: Наука].
- Kitajgorodská Margarita, Rozanova Nina. 1995. *Russkij rečevoj portret. Fonohrestomatia*. Moskva: Nauka [Китайгородская Маргарита, Розанова Нина. 1995. *Русский речевой портрет. Фонохрестоматия*. Москва: Наука].
- Kozłowska Anna. 2009. *Problemy z idiolektem*. W: *Język pisarzy jako problem lingwistyki*. T. 2. Red. Kozłowska A., Korpysz T. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego: 111–131.
- Kurda Andrzej. 2006. *Idiolekt, idiostyl czy idiolektostyl? W: Osoba i osobowość – czynniki je kształtujące. Materiały z konferencji 9–11 maja 2005 r*. Red. Pietrzak M. Łódź: Archidiecezjalne Wydawnictwo Łódzkie: 262–274.
- Lingvističeskij énciklopedičeskij slovar'*. 1990. Red. Árceva V.N. (online) <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/idiolekt/206> (dostup 29.09.2019) [Лингвистический энциклопедический словарь. 1990. Ред. Ярцева В.Н. (online) <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/idiolekt/206> (доступ 29.09.2019)].
- Medvedkova Elena. 2016. *Idiostil' i idiolekt avtora istoričeskogo romana (na primere proizvedenij V.I Kostyleva)*. «Vestnik Volžskogo universiteta im. V.N. Tatiševa». (online) <https://cyberleninka.ru/article/v/idiostil-i-idiolekt-avtora-istoricheskogo-romana-na-primere-proizvedeniy-v-i-kostyleva> (dostup 15.03.2019) [Медведкова Елена. 2016. *Идиостиль и идиолект автора*

- исторического романа (на примере произведений В.И. Костылева). «Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева». (online) <https://cyberleninka.ru/article/v/idiostil-i-idiolekt-avtora-istoricheskogo-romana-na-primere-proizvedeniy-v-i-kostyleva> (доступ 15.03.2019)].
- Panov Mihail. 2002. *Istoriâ russkogo literaturnogo proiznošeniâ XVIII–XX vekov*. Izd. 2. Moskva: Editorial URSS [Панов Михаил. 2002. *История русского литературного произношения XVIII–XX веков*. Изд. 2. Москва: Едиториал УРСС].
- Sikora Iwona. 2013. *Dubbing filmów animowanych. Strategie translatorskie w polskim dubbingu filmów animowanych*. Nysa: Oficyna Wydawnicza PWSZ.
- Slabko Ūliâ. 2014. *Pragmatičeskie harakteristiki russkih i anglijskih diminutivov*. «Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Puškina» t. 1, № 1: 125–132 [Слабко Юлия. 2014. *Прагматические характеристики русских и английских диминутивов*. «Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина» т. 1, № 1: 125–132].
- Vinogradov Viktor. 1980. *Izbrannye trudy: o âzyke hudožestvennoj prozy*. Moskva: Nauka [Виноградов Виктор. 1980. *Избранные труды: о языке художественной прозы*. Москва: Наука].

Summary

Properties of the idiolect used by the main character of *Masha and the Bear* animated film and their transfer in the Polish translation

This paper deals with the properties of the idiolect used by the main character of *Masha and the Bear* animated film and the ways in which they are rendered into the Polish language. In the film, the properties of Masha's idiolect have a characterising function. They are as follows: (1) the repetitiveness of syntactical structures (including exclamatory sentences); (2) linguistic creativeness (*i.e.* creating occasional vocabulary); (3) the use of colloquial lexis; (4) grammatical and lexical mistakes. The properties of Masha's idiolect are not always rendered in translation. Therefore, in the target text, there is a character whose linguistic properties are different from the ones she has in the source text. However, the primary task of the translator is to create an equivalent which could be perceived by the target audience as belonging to their native language, devoid of artificiality (especially for children). It is thus frequently related to the necessity to introduce some modifications of the idiolectal properties of the main characters.

Key words: idiolect, audiovisual translation, transformation, translation equivalent, children speech